Эпизоды из жизни. Воспоминание о Храпове Н.П. Брат Иван Яковлевич Антонов

Иван Яковлевич повествует о человеке, с которым встретился в тюрьме: ...Вечером, перед тем как ложиться спать, пришла мысль такая «говорят люди, что есть Бог, Который помогает в нуждах людям, вот если бы Он как-то помог нам». Ночью снится мне сон. Голос человеческий говорит: «Купи лотерею «Спортлото» и вот эти цифры зачеркни, а эти цифры оставь». И так отчётливо было сказано, что я все цифры запомнил, которые надо зачеркнуть, и которые надо оставить. Утром встаю и говорю жене, вот такой сон, и что вечером я об этом подумал, а она тоже неверующая была и говорит: «Ну давай купим, может быть выиграем, может быть это действительно Бог поможет нам?». И в первый тираж мы выиграли самую крупную сумму, до 5000 рублей. И после этого я стал верить. Я даже не молился, только помыслил, и Бог помог. Значит есть Бог, потому что тут никто мне ничего из людей не говорил, да и кто знал эти цифры, какие нужно было зачеркнуть. Я понял, что есть невидимая сила, Бог, который помогает.

- Но, что же дальше ты сделал? - спрашиваю я его.

- Кушали хорошо, одежду купили и прочее.

- А Богу чего-нибудь ты дал? Ты ж ничего Богу-то не дал, наверное?

- Да, остальные деньги мы пропили с друзьями.

- Ну, хоть пятёрку бы дал?

- А как дать Богу? Я же Его не вижу, как дать Ему?

Я ему объяснил, что, если бы ты дал своему товарищу, который нуждается, особенно тому кто верит в Бога, этим ты бы дал Богу жертву. Что сделали одному из меньших сих, то сделали Мне. Объяснил я ему, а он говорит:

- Я не знал этого.

- А теперь за что ты сидишь?

- Я приехал домой, когда освободился, с работой плохо, заработки маленькие. Переодевался в капитана милиции и ходил проверять склады и под видом проверки обворовывал их. И вот теперь дали 10 лет.

Жена, конечно, бросила, как только его посадили. И теперь он просит рассказать что-нибудь о Боге. Я рассказывал ему о Боге, мы беседовали целый вечер. Тот, у которого бабушка была верующая, дольше беседовал, а потом покаялся. Но этот, который говорил, что верит в Бога, не покаялся. И потом даже стал того отговаривать, чтобы и он к Богу не обращался, но тот ответил, что нашёл покой душе в Боге и поэтому не оставит Его. Такие были эпизоды.

Ещё помню, когда я сидел в тюрьме, уже осудили меня, то как раз были Новый год и Рождество. Утром выводят меня на прогулку, и конвоир говорит:

- Ты верующий? Это, наверное, к тебе приходили, пели тут возле тюрьмы. Все наши их слушали, так хорошо пели.

- Да, наверное, ко мне приходили.

Мы побеседовали с ним. Он говорит, срок у тебя год, мало и это всё быстро пройдёт, как бы с хорошим расположением был ко мне. А возле тюрьмы были наши верующие, молодёжь они побыли в собрание, потом решили прийти. Там была горка возле тюрьмы, они на неё зашли и пели. Но я пения не слышал, потому что зимой холодно, форточки закрыты и поэтому я не слышал. Слушали многие конвоиры, начальники, и потом заключённые говорили, что тоже слушали, но я не слышал. Это было большое свидетельство для этих начальников, и потом как-то я чувствовал, что даже ко мне расположение было более добрым.

Так вот этот год я и отбыл, а потом уже второй год, когда меня судили, уже оставался один месяц до моего 60-летия... Вот, что хочу ещё сказать, в отношении суда, когда год меня судили, то они почему-то боялись, я не знаю, чего боялись. Сделали они суд закрыто-открытый. То есть привозят меня в суд, в помещение полное людей, но там ни жены, ни детей и верующих нет. Так видимость открытого суда делается, а никого из верующих и жены нет. Я отказался от защитника, отказался от суда.

- Почему нет жены и детей?

А мне милиция говорит:

- Как? А вот сколько людей, они что, тебя не знают?

- Я их первый раз вижу, и они меня первый раз видят.

Он удивился. Я отказался от суда и сказал, что пока не будет жены и детей, отвечать на вопросы суду не буду. Они посовещались между собой, прокурор с судьёй, и сказали, что хоть я не соглашаюсь, суд всё равно будет меня судить. Суд открыт, здесь есть люди...

Так и осудили, приговорили к одному году строгого режима. Были в суде свидетели: сосед один и квартальный. Когда суд закончился я попросил соседа: «Коля, зайди, скажи жене, что меня уже

осудили, год дали». Он говорит: «Хорошо, зайду». Он потом заходил и сообщил, что меня осудили. Когда выводили из зала суда к "воронку", то я так молился: «Господи, пошли кого-нибудь, чтобы я ещё увидал верующих». И только выводят из суда, идёт наш брат верующий, Толик, увидались, поприветствовали, я ему говорю:

- Толя, меня уже судили, год дали, скажешь жене!?

- Хорошо!

Посадили меня в "воронок", мне пришла на мысль эта песня или стихотворение:

И когда судебным приговором

Дорогой лишаешься среды,

Я с Тобой встречаю «черный ворон»

И колючей проволки ряды.

Журнал «Вестник спасения» № 2, 1970 г. страница 43.

Привезли в тюрьму, а затем уже и этот срок, который я отбывал.

А второй срок уже дали за тунеядство. Когда мне оставался месяц до 60 лет, до пенсионного возраста, они меня арестовали при участии участкового и за какие-то полторы недели быстро оформили следствие. И хотя я написал кассационную жалобу и меня должны были не отправлять по закону пока кассационную жалобу не разберут, а меня отправили быстро. И когда жена пошла к юристу в консультацию, то услышала, что сейчас за тунеядство не судят, тем более в 60 лет. Она пошла уточнить, что столько лет мужу, он не работал и его посадили. В начале говорили, что не имеют права, сейчас такого закона нет, идите и хлопочите его должны освободить. Она говорит:

- Он баптист.

- А, баптист!? Судить, судить, судить тогда!

Меня судили не дождавшись кассационной жалобы.

Привезли в Белую Церковь. Мне уже 60 лет исполнилось, когда туда привезли, они спешили, чтобы до моего 60-летия успеть, довезти хотя бы до зоны. Заключённые относились, можно сказать, хорошо. Никаких нигде запретов, против Бога никто сильно не выступал. Узнали быстро, что я верю в Бога. Подходили с разными вопросами, одни искушали, другие с сожалением относились: "За что вас судят? Вы такие люди хорошие...". Были вопросы и такие: «Почему тебя Бог не защитил? Мы бандиты, воры, а ты ничего не сделал, живёшь богоугодно, но Бог тебя не защитил от тюрьмы». Приходилось объяснять таковым, почему Бог так допускает. Одна из очень важных причин, которая их останавливала. Многие подходили и вопросы задавали, своими переживаниями делились, потому что разных там переживаний много у людей. И я старался ободрить, утешить, объяснить, вдохнуть в них веру в Бога. И многие говорили, что "с тобой побеседуешь и как-то на душе легче, лучше". Таковым я говорил: «Чтобы тебе было легче, и ты мог душу отвести, как ты говоришь, вот и я здесь послан. Сказать тебе о Боге, потому что ты не

слушаешь о Нём на свободе». Обычно на это они замолкали. А среди начальства, особый работы со мной не проводили, просто не запрещали мне говорить людям, как в других колониях.

Приехал как-то сотрудник КГБ из Киева и его двое заместителей, беседовали со мной о том, чтобы я согласился на уступки по законодательству, что я тунеядцем не буду и меня освободят условно-досрочно и так далее. Тут вышла амнистия какая-то и я сказал, что не надо мне никаких ваших амнистий и уговоров. Я ничего не принимаю, я (полностью) отбываю срок наказания. Люди удивлялись, говорили, что кто-то по злобе просто посадил тебя.

Потом один юноша покаялся там, покаялся очень искренне, всё оставил, бросил курить и ругаться. Конечно, со стороны его товарищей была угроза такая, что они его убьют, если он не оставит эту веру. Но он веру в Бога имел действительно живую по своим убеждениям и несмотря на их угрозы не оставил Бога, так и остался верующим. И когда я уезжал, оставил ему Евангелие, которое было у меня.

Там ещё большое свидетельство было для начальствующих. Всё это находится под Киевом, но из верующих в этой зоне никого не было. И помню разговор их, они спрашивали о Боге и говорили, что Бог защищает. Однажды, когда моя дочка Надя выходила замуж, а брак был без меня и прислали они фотографии. Они их рассматривали, начальник оперчасти увидел меня в зоне и говорит:

- Мы рассматривали ваши фотографии, свадьбу вашей дочки, и там ни вина, ни пива, ничего на столах. У вас, что совсем ни водки, ни вина, ничего нет?

- Да, у нас этого ничего нет, мы не пьём.

Он подумал и говорит:

- Счастливые вы люди, что вы не пьёте.

- Да! Мы очень счастливые Бог избавил нас от этого.

А ему неудобно было о Боге говорить, и он продолжил:

- Ну да, у вас всё запрещено!

- Гражданин капитан, и здесь на зоне запрещено всё: водка, вино. Если вы знаете, что вольный кто-то принёс водку, вы его сажаете в изолятор. И семь заборов тут у вас сделано. И все-таки каждый день вы сажаете людей пьяных в изолятор. Вот это на запрете, но если у людей есть желание, то он будет всё равно где-то искать, пить и так далее. А у нас нет совершенно желания.

Я рассказал ему немножко о своём обращении.

- Если бы даже там и стояло вино, то до него бы никто не дотронулся. Так нас Бог избавляет и удаляет от этого так, что и желаний нет никаких.

Он пожал плечами и говорит:

- Не понимаю.

- Конечно, вы не понимаете, надо испытать на себе, тогда и поймёте.

Ещё такое было, помню, событие. Я получил бандероль, посылку положенную, жена привезла передачи, а потом вызывает меня дневальный туда, куда письма и посылки приходят: «Иди, там привезли бандероли, и тебе бандероль. И там какая-то бандероль нерусская». Я думаю, вроде не положено мне, но раз зовут, то пойду. Прихожу, выдающий контролёр говорит:

- Пришла бандероль какая-то, не по-русски написано, я не знаю ничего. Может ты прочитаешь?

Я смотрю, а там язык не немецкий, я немецкий учил в школе А коптёр там был, заключённый, он английский язык изучал, посмотрел и говорит:

- Да, что вы не поймёте. Вот написано «English - Англия»

С удивлением тогда спрашивает:

- А кто ж там у тебя есть в Англии?

- Нет никого, родных по плоти нет у меня, но там, по-видимому, верующие, узнали, что я сижу, и прислали бандероль.

Он удивился:

- Как же это может быть, ты не знаешь их, они не знают тебя, и прислали бандероль?

- Так у верующих бывает.

А каптёр говорит контролёру:

- Видишь, как у верующих, даже из другой страны узнали, что он сидит в лагере, и то прислали бандероль хоть в знак сострадания, а у нас с тобой что? Посадили меня, и жена бросила, и у тебя так же. Вот что значит человек в Бога верующий и что значит, (такие как мы) без Бога.

Но тот ничего не сказал, открыл бандероль. Письмо отдал на английском языке, там конфетки шоколадные были. Я хотел угостить, коптёр взял конфетку, а контролёр отказался. Я вернулся к себе и тут же прибежал один из... Быстро там в зоне всё распространяется. Прибежал один знающий английский язык, предложил перевести письмо. Он перевёл, всё так по смыслу хорошо. Пишут, что «дорогой брат Иоанн, мы узнали, что за веру в Бога посадили вас в лагерь. Мы молимся, сострадаем, вот маленькую бандероль посылаем вам. И мы молимся за вас, за семью вашу...». Ободряющее было письмо. Я поблагодарил, угостил этого осуждённого, он сказал, что, если хочешь точнее перевод, нужно пойти к учителю английского языка, он переведёт точнее. Я говорю, что не надо, зачем, смысл главный понятен.

Перед освобождением за неделю начальник оперчасти вызывает и говорит:

- Когда вы освобождаетесь?

- Вы же знаете, вот такого-то числа.

- А вы демонстрацию возле лагеря не устроите нам?

- Какую демонстрацию?

- Ну какую? Съедутся верующие и тут демонстрацию устроят.

- Я не знаю ничего, откуда у вас такие данные?

- Кто вас приедет встречать?

- Жена приедет, дети, может, приедут. Может пару человек верующих. Тут же много верующих.

- И всё? А вот у меня есть данные, что приедут, чтобы демонстрацию устроить возле лагеря. Мы вас можем отправить в другую колонию и с другой колонии вас освободить.

- Это ваше дело. Пока я заключённый, вы можете меня взять и куда угодно вести.

Он ещё переспросил:

- Значит не будет демонстрации?

- Не знаю, я ничего не знаю. Я вот предполагаю, как есть.

И я ожидал, что все-таки меня отправят на другую колонию, как некоторых братьев, а с той уже освободят. Подходит воскресенье, а в понедельник мне освобождаться. Нет, не приходит никто. Значит отменили везти меня в другую колонию. Утром приходит контролёр, всех вызывают по радио на освобождение. Ко мне потихоньку пришёл контролёр и спросил готов ли я на освобождение. Я утвердительно ответил. Завели на вахту, ДПНК (дежурный помощник начальника колонии) спрашивает:

- Чем вы будете ехать?

- Автобусом, прямой рейс есть.

- Нет, мы даём только на поезда билет и поездом поедете. Повезёт вас отрядный, посадит и уедете.

- А зачем мне с пересадкой ехать? Не надо, не дадите мне денег и не надо. Я заработал у вас тут пять рублей и хватит мне на билет.

Проверка была тщательная: фотографии, письма пересмотрели, обыскали.

- Ну ладно! Сейчас получите документы в спецчасти и ждите, придёт отрядный и повезёт вас на автовокзал.

Он предварительно позвонил, ему ответили, что два автобуса есть на Кировоград. Когда вышли из зоны, я увидал, что жена у решётки стояла и дочка. Коротко поприветствовались, зашёл я на второй этаж, получил документы. Там ещё немножко побеседовал с женщиной, у неё горе, сына убило или что. Плакала она, и мы побеседовали. Потом получил деньги, документы, и начальник спецчасти говорит мне:

- Сидите, ждите отрядного, и отрядный придёт и повезёт вас.

Я хотел все-таки зайти к друзьям, к тем, у которых жена останавливалась, поблагодарить, помолиться вместе. Получил документы, помолился и к начальнику спецчасти обращаясь, говорю:

- Гражданин начальник, я вольный человек или заключённый?

- Вы вольный человек, срок ваш окончился 24 часа назад. Документы я вам выдал, всё, вы вольный человек.

- А чего же я буду ожидать отрядного. Может, он до вечера не приедет, я буду тут сидеть? Я пошёл?

Он пожал плечами, что ему сказать? Стой, сиди? Я вольный человек. Я выхожу, тут и сын ещё приехал, встретили. Жена говорит, нас спрашивали, к кому приехали, а потом приезжал «бобик» и из него кричал один, что отрядный в отгуле сегодня и он не приедет провожать меня и что я не пьяница, не вор и так уеду без всяких происшествий. Мы зашли (к нашим) туда, где жена остановилась. Там было несколько человек верующих, помолились, поблагодарили Бога. И ещё подошли люди, мы побеседовали, и по времени уже автобус первый ушёл. Пробеседовали, помолились, и второй ушёл. Теперь надо поездом ехать. Заходит хозяйка и говорит, что приходил участковый к нам и хотел в дом зайти:

- Кто у вас тут есть посторонние люди?

Я закрыла дверь перед ним и сказала:

- У меня есть гости и нечего вам тут делать, - закрыла и не пустила.

Нам уже поездом надо ехать, автобусы-то ушли. А там сын машину имел, и говорит:

- Что вы поездом поедите, давайте я вас отвезу машиной?

Ну мы говорим, что для нас-то это хорошо, но для тебя-то как?

- Пусть машина послужит для Господа!

Отвёз нас домой, а дома уже встречали. До дома он не довёз нас, приехали троллейбусом домой. Только зашли, уже участковый ждал нас. Стали молиться, слышим заходит. Дочка встретила его, он с вопросом:

- Что там такое? Вера, батька пришёл?

- Да, говорит, пришёл.

- Пусть завтра придёт ко мне на отметку в кабинет.

Повернулся и ушёл. Вот так была встреча.

На другой день был разбор Слова назначен у нас. Жена знала, что я освобожусь и что я буду дома и у нас собрались верующие, человек 30-40, для разбора Слова, а фактически на мою встречу, чтобы помолиться и поблагодарить. И только спели один псалом, как наехало много милиции, среди них замначальника милиции. И разгонять нас принялись:

- Разойдитесь сейчас же, а то заберём...

Мы стали просить, говорить, что я приехал из заключения, пришли друзья, но ни в какую они. Разогнали нас, потом оштрафовали. Когда я ходил прописываться, то начальник милиции и

заместитель начали меня пугать 209 статьёй:

- За тунеядство уже вышел срок, а 209 статья пункт 5.5 как раз для тебя.

Они нервничали, кричали, я послушал и говорю:

- Я всё это знаю, не тратьте на меня нервы и время или пропишите меня, или нет, да я пойду.

- Нет, прописать мы не имеем права, знайте, что будет вам 209-я статья.

Повели в комнату надзора, там капитан говорил, что надзор надо давать, но фактически письменного не дали, а приезжали, проверяли, домой ко мне, следили за домом.

После освобождения стали приходить письма с угрозами, бывало нас штрафовали, разгоняли собрания. Я вижу, что опять дело идёт к суду и вынужден был уйти на нелегальное положение. Но на нелегальном положении пришлось мне пробыть всего 5 месяцев.

Вопрос: Иван Яковлевич, скажите несколько слов о том, что пережила ваша семья за эти годы разлуки с вами и о служении вашем в Совете Церквей.

Иван Яковлевич: Семья, конечно, лучше скажет, чем я о том, что они пережили. Я могу только со своей стороны сделать заключение, и со слов, которые они говорили на свидании и тогда, когда я был дома. Прежде всего, конечно, к семье, а особенно к жене, они много имели претензий и считали, что если бы она на меня повлияла, то я бы не совершал этого служения, жил бы дома и так далее. Всякие угрозы ей были и вызовы в различные инстанции в райисполком, горисполком и в милицию, и другие вызовы, которые ей приходилось претерпевать, выслушивать. Делали совещания всякие там, вызывали её и позорили, называли, как этот наш ярый атеист называл её спекулянткой, что якобы она получает посылки и вещами спекулирует.

Ну, что сказать ещё? Они находились в условиях постоянных слежек, постоянные преследования, постоянные и постоянные угрозы.

Вспоминается такой случай, однажды днём приезжает в пьяном виде молодой человек и спрашивает, мол, тут такие-то живут (называет мою фамилию).

- Да, тут живёт такой человек, тут мы живём.

- Так вот, тебе передали из лагеря пистолет-зажигалку, а ты мне её не передал. И золотые вещи, и золотые часы ещё передали, а ты не передал мне. Я могу сейчас ножом распороть тебе живот, и всё.

Я ему ответил, что я никаких зажигалок, никаких часов не получал или это информировали его неправильно, или ещё как, но я ничего не получал.

Вопрос: А как он вам представился, этот человек?

Иван Яковлевич: Ну как представился? Приехал на такси и сказал, что ты был в таком-то лагере, я говорю, да. Оттуда передали вещи, которые он назвал и ему сказали, что они у меня (семь золотых колец, семь золотых часов, пистолет-зажигалка). Я ему ответил, что этих вещей не

получал и не брал, хотите верьте или не верьте.

Он угрожал мне, что поедет и узнает, и если я получал, то расправится со мной, то есть убьёт. И уехал, мы помолились, и больше он к нам не приезжал.

Вопрос: А к этому времени была трагическая смерть Дейнеки брата, да?

Иван Яковлевич: Да, в Чернигове нашли убитого брата Дейнеку. После этого, немного спустя, приезжали ко мне с этим. Перед тем, как уходить на нелегальное положение, приехали с обыском к нам в квартиру.

Вопрос: Сколько у вас обысков было в квартире?

Иван Яковлевич: Да, обысков считать трудно. Много было обысков, наверное, не сосчитаю сколько их было. Каждый раз всё, конечно, забирали. Больше десяти, наверно. Всё отбирали и назад не отдавали. Только вот после последнего обыска, часть литературы отдали уже после суда.

И перед моим арестом был обыск, нашли литературу и забрали. Мне прислали по почте письма от масонов, значит, чтобы я принёс тысячу рублей денег на почту в определённое время и, если я не принесу к такому-то дню они меня убьют и под открыткой подписано - масоны.

Вопрос: Открытка по почте пришла?

Иван Яковлевич: Да, по почте пришла открытка или письмо, я уже не помню откуда. Мы прочитали, я понял, что это очередная провокация, очередная угроза для меня. Помолились, потом пришло ещё одно письмо. Уже более конкретно требовали - две тысячи денег. Иначе мне к Рождеству и к Новому году сделают Варфоломеевскую ночь и убьют меня. И потом я наблюдал постоянно как была всегда за мной слежка. Еду в автобусе, садятся двое следом за мной. Я не только это видел, но даже проверял. На квартиру зашёл к людям, и они за мной заходили. Вот такая постоянная слежка была.

Вопрос: И на «Волгах» следили за вами?

Иван Яковлевич: Да, и на машинах ехали за мной, о чём я немножко попозднее расскажу. Эти масоны писали угрозы не только мне, но и всей моей семье. И с моими дочерями сделают то-то, и жену, и всех убьют и устроит нам на Рождество Варфоломеевскую ночь. Я понял, что это, конечно, те же провокации, те же угрозы для меня.

Вопрос: Как ваша семья реагировала на это?

Иван Яковлевич: Молились, чтобы Бог защитил, объявили в Церкви нашей, чтобы Церковь молилась. И как раз время обыска, забрали много литературы у нас. И я сказал следователю, который делал обыск, о том, что письма с угрозами приходят.

- Да?! А как ваши соседи?

- Тут кругом соседи - ваши сторожа и тут, и там, и напротив, кругом ваши сторожа.

Он так усмехнулся, я говорю:

- Вот ещё и письма приходят от масонов, требует деньги: тысячи, две тысячи денег, а если нет, то убьют и меня, и семью всю, и устроят Варфоломеевскую ночь.

Он улыбнулся и говорит:

- Угроз много, но это только угрозы....

- Нет, - говорю. - Убивают же, вот Дейнеку убили, Хмару убили.

- А вы об этом точно знаете?

- Конечно знаю точно.

Но он говорит, что следователей всё равно больше убивают, чем верующих убили.

- Я за следователей не знаю, вы же нам не объявляете это, а за верующих знаю.

- Это просто так, это всего лишь угрозы.

А потом жены сестра, Лиза, позвонила прокурору и сообщила о том, что моей сестре такие письма приходят и если что случится с ними, то вы будете за это отвечать. Они потребовали информацию о том, когда были такие письма и почему им ничего сразу не сообщили. А потом приехали и сделали ещё обыск, эти письма забрали и не отдали. Их письма интересовали или что. Мы им сказали, что у нас есть копии переписанные с этих писем и если вы забрали и не отдаёте, мы всё равно будем знать.

Позже было такое событие, я должен был сесть на автобус и поехать. Помолился, вышел из дома. Вижу, стоит на перекрёстке красная машина, и двое сидят, и подозрительно смотрят на меня. Я прошёл мимо, мало ли кто стоит. Глянул, автобуса нет на конечной, и пошёл пешком две остановки до следующего автобуса. Прошёл метров 300 по шоссе, слышу, едет машина одна, и вдруг, не доезжая до меня метра три, сильно тормозит, делает остановку, открываются двери и такое понимание, что хотят забрать меня. Я помолился и иду себе дальше. Не обратил даже внимания, что они там остановились и прошёл дальше. Они видят, что я продолжаю путь, проехали мимо меня, уже не останавливались. Слышу, за ней едет такая же вторая красная машина, опять с таким же тормозами. Открыли двери, а я так же пошёл дальше. Хотел было возвратиться домой, сказать жене, а потом думаю: «Ну, что буду возвращаться, пойду». Больше я этих машин не видал, просто считаю, что это был своего рода шантаж, угроза. Так я уехал и продолжал служение. Пока меня не поймали в Кривом Роге и не арестовали.

Что сказать ещё за семью, за жену. Возможно, что так по рассказам, они ещё больше переживали, потому что жену и вызывали, приезжали, забирали из дома, и вызывали на всякие комиссии, угрожали и называли всякими (оскорбительными) именами. И в газетах статьи всякие писали. Считали, что она виновница, что я совершаю служение. И возможно даже ей и детям больше пришлось переживать всего, чем мне, находясь в лагере. Потому что ко мне там по-своему были всякие обольщения, угрозы, но считаю, что я меньше переживал, чем они здесь на воле переживали.

Вопрос: За предпоследний срок, который вы отбыли в узах, в лагере умер Николай Петрович Храпов. Скажите, каким вы его помните по жизни, по служению, и каким он остался у вас в

памяти? Как вы встретили или как вы отреагировали на это извещение о его отшествии в вечность?

Иван Яковлевич: Когда мне сообщили, что Николай Петрович Храпов умер, конечно, это для меня стало большой скорбью. Я вспомнил его служение, которое я лично видел, был с ним. Помню его твёрдость в следовании за Господом. Помню, когда первое письмо его было обличительное в правительство за студентов, за разгоны собраний, за штрафы, за всё это. Прямо и открыто он написал в правительство. Я ещё лично с ним не был знаком. Меня это сильно удивило, что нашёлся такой смелый, мужественный человек обличение сделал начальникам, и подписал прямо свою фамилию. Конечно, его через несколько месяцев арестовали и посадили. Это первое, что произвело сильное впечатление на меня. Потом я слышал о его многочисленных страданиях в тюрьмах, в лагерях, за верность Господу. Читал стихи его и так далее. А потом пришлось нам встретиться с ним после очередного его освобождения, он приехал к нам на братское, и там было наше общее знакомство, и сильно впечатление произвела на меня его верность Господу, его чёткое, конкретное служение. Всякий грех, всякое беззаконие он обличал, ревность он проявлял и делал прямые обличения и звал к святости, к чистоте в служении своём. И когда совместно приходилось проводить совещание, служение совершать вместе с ним, я видел его хорошую, твёрдую, мужественную работу в следовании за Господом. Конечно, он очень сожалел, скорбел и молился всегда. Молился о своих детях, некоторые из них были неверующие. Плакал об этом и просил нас молиться. И братья ему поручали самые ответственные вопросы, в которых нужно было проявить твёрдость, где нужно было остановить отступников, которые впадали в грех и не признавались. И всюду, где он был, проводил чёткую, ясную работу, и был успех.

И причём ещё у него была такая характерная черта, как бы предвидеть. Он понимал хорошо этих людей, которые хитрыми всякими путями старались совратить или верующих, или братства с пути, я имею в виду служителей. И мне вспоминается случай, когда ростовские служителя, где он жил, стали склонять на регистрацию свою общину. Он выступил против, а они против него. Написали письмо в Совет Церквей. Мне братья поручили поехать туда и постараться примирить их между собой. Я со своей стороны выслушал его, выслушал братьев. И предложил примириться. Он прямо сказал принципиально, он всегда так вопросы ставил принципиально, решал без всяких компромиссов. Говорит:

- Хорошо брат, я виновен в том, что не высказал всё спокойно, я в этом признаюсь, я буду каяться. Но в том, что это чужие, не наши братья, которые склонны сойти с узкого пути, и они со временем уйдут от нас, я уверен и скажу, что это уже не наши братья. Вы, как хотите, считайте, но я говорю так, как я их понимаю.

И он высказал это прямо братьям там. Для нас это ещё было скрыто, мы ещё не видели такой тайной работы, а в последствии через год вышло, что он был прав, что они таковыми и оказались. Пошли на регистрацию, выступили против братства. Даже были там некоторые выступления, что если мы, мол, не будете слушать, чуть ли не приказы давали, то они вообще из Совета Церквей уйдут.

Когда я это выслушал, я понял, что Николай Петрович прав и я им сказал: "Если вы такого мнения о Совете Церквей и вы требуете своего в приказном порядке, то нам с вами

действительно нечего делать и не по пути нам с вами! ". Тогда они изменили тактику и сказали, что нет, мы хотим с братством быть. Примирение произошло, но оно не было глубоким и искренним. И через год всё это обнаружилось, они склонны были к регистрации, ушли и зарегистрировались. И потом эта Ростовская община разделилась, как мы знаем.

И другие вопросы, которые он решал, я потом видел, что он был прав. Я лично в какой-то мере даже не допонимал всех этих хитростей. У него такая была черта предвидения.

Я знал, что ему сроку немного осталось, хотел, чтобы ещё встретиться с ним, о многом нужно было бы нам поговорить, но Бог усмотрел, что хватит ему страданий и со слабым здоровьем и когда умерла его жена Лиза, его помощница, это на него ещё сильно повлияло. И Господь взял его к Себе в обители Неба.

У меня, о Николае Петровиче, как о служителе осталось очень хорошее впечатление. Хорошее впечатление о его служении, о его книге, о его проповедях, которые он говорил. Осталось хорошее мнение, как о брате служителе бескомпромиссного служения Богу. Таким он был в молодости, таким он остался в старости, таким он остался и в моей памяти.

Вопрос: Известия о его смерти вы в колонии получили?

Иван Яковлевич: Да, в колонии...

Источник аудиозапись: Эпизоды из жизни. Воспоминание о Храпове Н.П - Антонов И.Я./46:33/42.68 MB

Комментарии
